

Утконос — одно из самых удивительных животных: с утиным носом, перепончатыми лапами, бобровым хвостом этот зверь несёт яйца, а детенышей выкармливает молоком

Горный воллаби вечером пришел покушать

Глава первая

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ УТКОНОСА

МОСКВА — КАНБЕРРА

В наши времена всякое дальнейшее путешествие начинается обычно с самолёта. Так и на этот раз. Поздним ноябрьским вечером 1972 года из московского аэропорта Шереметьево я вылетел рейсом на Сингапур. Ночью пролетаем над Пензой, Актюбинском, Самаркандом, но за иллюминатором самолёта лишь чёрное звёздное небо. Летим на высоте десять километров, за бортом температура минус пятьдесят пять градусов. Восход солнца прочерчивает на горизонте резкую красно сине чёрную полосу.

Ранним утром самолёт совершает посадку в аэропорту Дели. Позади осталось уже четыре тысячи восемьсот километров. Всего пять часов сорок минут понадобилось нашему самолёту, чтобы преодолеть это огромное расстояние. Свежий утренний ветерок встречает нас, едва мы ступаем на трап. В пять часов утра здесь тринадцать градусов, но поднимающийся из-за горизонта красный шар солнца предвещает жаркий день.

После небольшой остановки мы снова в воздухе — теперь курс на столицу Малайзии — Куала-Лумпур. Под крылом самолёта сплошь возделанный безлесный равнинный ландшафт. Уже с утра горизонт скрыт в серо-жёлтой дымке. Местами среди равнины возвышаются группы холмов. Пролетаем над раски-

нувшейся бисером домов и строчками улиц Калькуттой. За ней — океан, как чёрная пустота, прикрытая пеленой мелких кучевых облаков с отдельными крупными «башнями», будто из белой ваты.

И снова побережье — теперь уже впереди полуостров Индокитай. Вдоль берега — квадраты тщательно возделанных полей, а дальше в глубь суши — сплошной тёмно-зелёный покров девственного тропического леса. Каналы, прорезающие поля, изливают в океан шлейфы бурой воды, и морское течение сносит их к югу. У берега вода океана серая, на мелководье — светло-зелёная, а дальше — до горизонта — тёмно-синяя.

Ближе к Куала-Лумпуре возделанные земли все дальше забираются от побережий на окружающие холмы. Посадки сельскохозяйственных культур образуют на склонах изящные узоры, точно повторяющие линии горизонталей.

Садимся в Куала-Лумпуре в десять часов утра. Ещё четыре тысячи километров остались позади. Здесь уже чувствуется полное дыхание тропиков — температура тридцать градусов. Следующий бросок — на Сингапур. Расстояние сравнительно небольшое, поэтому самолёт не набирает большой высоты, идёт прямо над облаками. До горизонта видны только поля и посадки; местность здесь более равнинная, поэтому леса всюду сведены.

Снижаемся над огромным городом, делаем круг над дельтой широкой реки; кое-где видны острова, и поверхность воды усыпана лодками и баржами. На мелководье стоят деревянные частоколы в виде буквы «V», обращённые открытой частью вверх по течению, очевидно, для ловли рыбы.

В Сингапуре полдень; температура — те же тропические тридцать градусов, солнечная погода.

В двухэтажном аэропорту придётся до вечера ждать пересадки на новозеландский самолёт, идущий через Сидней. Поднимаюсь на второй этаж, осматриваю киоски с товарами для пассажиров. Особенно хороши игрушки. Хозяин — старый японец — расставляет их перед входом в лавочку и ждёт очередной волны пассажиров с детьми. Как только с эскалатора сплошным потоком выходят люди с прилетевшего самолёта, хозяин быстро заводит все игрушки. Мохнатая обезьянка начинает ходить по кругу; слон играет на ударных инструментах и звенит колокольчиком, который держит в хоботе: собачки прыгают, пищат; самолёты кружатся на полу, сверкая яркими огнями, и, когда они останавливаются, открывается фонарь кабины, оттуда высовывается пилот в шлеме и очках. Дети, как зачарованные, глаз не могут оторвать от оживших игрушек; смотреть на детей даже интереснее, чем на сами игрушки. Когда родители вынуждены силой тащить малышей дальше, дети ревут, как пожарные сирены.

Часов в пять вечера разразился тропический ливень. Полило как из ведра, земля сразу покрылась слоем воды. Но через полчаса непогода улеглась, а к заходу солнца стало совсем тихо и безветренно.

Взлетаем мы в десять вечера. Сингапур сверху — сплошное море огней. В гавани на чёрной воде — силуэты судов, очерченные горящими лампочками по бортам и вантам. И каждый из них повторяется своим отражением в воде, как в чёрном зеркале.

Проснулся утром, смотрю в иллюминатор — под нами Австралия! Сквозь пелену облаков видны заросли серо-жёлтого ксерофитного вечнозелёного кустарника — скрэба в тёмных пятнах редко разбросанных деревьев. Затем местность становится всё более гористой, а растительность — густой. Пере-

секаем Водораздельный хребет, поросший густым эвкалиптовым лесом, снижаемся над Сиднеем. Город раскинулся до горизонта. Кроме центра, он весь одноэтажный. Бесконечные ряды коттеджей, и почти у каждого — ярко-синий кружок или квадратик — небольшие бассейны. Здесь и там видны стадионы для крикета — посреди желтовато-зелёного поля вытоптанная по диагонали полоска земли. Гигантские автостоянки забиты машинами; в центре — много эстакад: в таком городе жить и ездить на одном уровне становится явно невозможно.

В половине девятого садимся в Сиднейском аэропорту. Подходя к двери самолёта, предвкушаю: сейчас я ступлю на землю Австралии! Но не тут-то было: по брезентовой трубе, придвинутой вплотную к двери, нас, не пустив на землю, проводят сразу на второй этаж здания аэропорта в багажный зал.

Парни в белых комбинезонах ловко схватывают чемоданы, появляющиеся с транспортёра, и размещают их на вращающемся круге. Все это очень слаженно и красиво, однако я не вижу моего большого чемодана. А в нём — километр фото и киноплёнки, все мои африканские и алтайские слайды, которые я взял с собой для демонстрации на лекциях.

Вспоминаю шуточную рекламу авиакомпании «Люфтганза», как её пересказал мне однажды профессор Б. Гржимек, имеющий большой опыт общения с авиасервисом многих стран: «Наша компания точно и в срок доставит вас в Токио, а ваш багаж — в Дар эс Салам!»

Дежурная, узнав о пропаже, аккуратно записывает приметы моего чемодана. На специальном бланке изображены все возможные типы и формы чемоданов, нужно лишь отметить свой вариант. Очевидно, розыск потерянного багажа — привычное занятие,

поставленное на широкую ногу. Я отыскал «свой тип» и назвал наиболее характерное из его содержимого — сетки для ловли птиц и коробки с плёнками. Выдают копию бланка, чтобы уже в Канберре обратиться в отдел авиакомпании «Квонтас» и получить чемодан. «Когда мы его найдём», — добавляет дежурная с очаровательной улыбкой. «Я очень надеюсь», — всё, что остаётся мне ответить, не выходя за рамки международного этикета.

Войдя в зал местных линий, уже с некоторым трепетом сдаю последний оставшийся у меня чемодан и сажусь в большой автобус; меня везут по городу в аэропорт местных линий в гуще машин, петляя по эстакадам. Одна из них строится — нависла нелепым обрубком над улицей. Вдоль шоссе много складов, заводов.

Это промышленный район города. Около аэропорта протекает зловонный канал с чёрными берегами, покрытый плёнкой нефти.

Перед местным аэропортом образовалась «пробка» из машин. Чтобы дать автобусу заехать в аэропорт, полицейский выскакивает на мостовую, держа надпись «стоп» на большом круглом щите. Машины нехотя останавливаются, и автобус заезжает в аэропорт. Полицейский убирает «стоп», и лавина срывается с места, чуть не сшибая его.

Небольшой самолёт, который должен доставить меня в Канберру, берёт курс на юго-запад. Летит низко, среди облаков. Сквозь их разрывы видна холмистая местность, покрытая пожухлой травой, и отдельно стоящие эвкалипты. Весь пейзаж очень напоминает саванны Восточной Африки с той лишь разницей, что кроны деревьев здесь округлые, а не зонтичные. Полет длится недолго, и наконец завершается весь воздушный маршрут от Москвы до Канберры.

В зале ожидания аэропорта слышу по радио свою фамилию: просят подойти к стойке. Меня ждёт молодой человек — служащий ректората Австралийского национального университета (АНУ). Эдуард Хелшби (так зовут моего нового знакомого) отвозит меня в общежитие — «Дом университета». Мне выделяют комнатку на втором этаже и сразу приглашают на ленч. Все обитатели общежития обедают в общем зале. Обслуживают их дамы, потомки английских переселенцев, с милыми и приветливыми лицами. Говорят они на австралийском диалекте, к которому мне ещё нужно привыкнуть.

После ленча ко мне подошёл доктор Николас — заместитель заведующего департаментом зоологии АНУ — и повёз показывать город и университет. Объезжаем разбросанные по зелёным паркам и лужайкам здания университета. Все они малоэтажные, и нет двух одинаковых по архитектуре. Между ними живописно проложены пешеходные дорожки, созданы площадки для гольфа, крикета, теннисные корты.

СТОЛИЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Вместе с доктором Николасом въезжаем по серпантину на смотровую площадку, расположенную на вершине горы Блек Маунтин. Отсюда открывается панорама столицы. Город раскинулся по берегам искусственного озера Берли Гриффин. Названо оно именем американского архитектора, чей проект послужил основой при планировке молодой австралийской столицы. В центре озера вздымается вверх — метров на тридцать — струя мощного фонтана.

Аборигенский танец, племени из пустыни

Тиглянтский рыжий кенгуру

Корабли пустыни

Команда ишхны «Торрес-Стрейт-Айлендер» собралась на палубе в ожидании, когда на горизонте покажется очередной коралловый остров

ДЕЖАВЮ

Прошло больше сорока лет с того времени, когда в 1972 году Николай Николаевич Дроздов прилетел в Австралию по программе обмена научными работниками Советского Союза и Австралии и провел в стране целый год. По результатам этой поездки Дроздов написал книгу «Полет бумеранга», ну а я вот почти пятьдесят лет спустя по предложению Николая Николаевича попытался написать продолжение. Книга Дроздова — наверное, единственное описание Австралии периода СССР, в те времена не так было просто поехать за рубеж, а уж в такую даль, как Австралия, просто невысказимо. Ну а уже если съездил, да еще написал про поездку, так изволь заклеить капитализм и показать, что в СССР лучше. И вот удивительно то, что книга Дроздова совсем без критики другого строя, это просто описания путешественника в Австралии.

В моей книге я рассказываю мои впечатления, мои истории, случившиеся во время путешествий по стране через тридцать или сорок лет после путешествия Дроздова.

Вся моя взрослая жизнь была в путешествиях и экспедициях. В Советском Союзе, работая в академическом институте, я проплыл, пролетел, прошагал всю страну в научных экспедициях. А потом, когда переехал в Австралию, снова моя работа оказалась в науке, в путешествиях и экспедициях, и благодаря

им я познакомился с новой страной довольно подробно. В дальнейшем мой туристический бизнес снова звал меня в постоянные разъезды. Ну а в поездках всегда много впечатлений, неожиданных поворотов и встреч. И вот получился набор историй из путешествий по Австралии за мои тридцать лет проживания в этой стране.

В 1972 году, когда Дроздов поехал в Австралию, я еще ходил в школу и был юным пионером, или даже октябренок. К животным я в детстве относился довольно настороженно — то есть прочитать про них или по телевизору посмотреть — это интересно, а вот собаку погладить — это не мое было, такой близости я не допускал. Не любил я домашних животных, но, с другой стороны, про тигра в тайге по телевизору — это можно, и даже очень интересно.

Родители на все школьные каникулы меня с братом отправляли к бабушке с дедушкой в подмосковный город Балашиху. Там мы катались на санках, на велосипедах, бабушка гуляла с нами, кормила, поила, ну, в общем, делала то, что, на ее взгляд, она сделает лучше моих родителей.

Дед мой был хирург, родом из Сибири, работал главврачом местной Балашихинской больницы, врачом он был от бога, оперировал еще до войны, потом ушел на фронт, работал хирургом в полевом госпитале, госпиталь разбомбили в 1944, он потерял ногу, выжил только потому, что сумел сам себе первую помощь оказать при ранении. После войны ходил на костылях, продолжал работать врачом, стоял у операционного стола на специально изготовленной скамейке, чуть присев на нее, нога-то была одна.

Его дети подросли, закончили школу в Сибири и поехали в Москву поступать в университеты. За ним потянулись и родители, поближе к детям.

Однако в те времена просто переселиться в столицу было невозможно, надо было иметь на то вескую причину. Ну а в Москве всех таких стремящихся осесть в столице звали лимитчиками, потому как был установлен лимит таких переселенцев.

Но дед мой пошел другим путем. Если нельзя в Москву, то найдем вариант поблизости, в Московской области, куда можно. Хирург он был хороший, предложения поступили из нескольких подмосковных больниц, в том числе и из города Балашихи. Вот дед и выбрал город для проживания по названию, по своей фамилии Балашов.

Знала деда вся Балашиха. Ну и нас знали все жители как внуков главврача Иван Ивановича. Когда велосипед ломался, прохожие сразу нас определяли — так это же Иван Ивановича внуки! Ну и сразу же звонили в скорую помощь, которая быстро подъезжала, чинила велосипед или, в сложных случаях, требующих «оперативного» вмешательства, грузила внука и велосипед в машину скорой помощи и привозила домой. Тогда я был абсолютно уверен, что именно так обо всех советских мальчишках и девочках заботится советское государство. Признаюсь, был наивен!

Долгими зимними вечерами я любил смотреть тогда еще черно-белый телевизор и очень любил передачу «В мире животных», ее вел поначалу Александр Згуриди, создатель и первый ведущий, а Дроздов в это время был в Австралии. Позже первого ведущего сменили не менее интересные Василий Песков и Николай Дроздов.

И вот прошло много лет ...

Мы уже тридцать лет живем в Австралии, дети давно выросли, живут отдельно. Я больше не сторонюсь домашних животных, у нас дома две собаки,

мама и дочка. И когда две пары влюбленных глаз смотрят мне в глаза, то я уже не очень представляю, как я жил без собак.

Поначалу мы жили в Сиднее, дети учились, сначала в школе, потом в университете, мы оба работали в офисе, поэтому жить в городе было просто удобно. А потом наши дети выросли, уехали жить самостоятельно, ну а мы уехали из города Сиднея.

Уехать из большого города и поменять стиль жизни — непросто, многое пришлось изменить. Купили землю в горах, построили дом и назвали наш хутор — Балашиха Австралийская. Ну вы уже поняли, откуда появилось такое название.

Если честно, я впервые прочитал книгу «Полет бумеранга» уже в Австралии, не просто прочитал, но и посетил все описанные Дроздовым места уже в первые годы моего проживания в стране.

Книга Дроздова об Австралии стала у меня настольной, именно по ней я начинал свой туристический бизнес, создавал первые туры для российских туристов, неоднократно проезжал по тем местам, и был приятно удивлен, что описанное Николаем Николаевичем в книге родео — это наше родео недалеко от Балашихи Австралийской, которое проходит регулярно в январе.

Мы познакомились с Николаем Николаевичем в туре по Австралии, подружился, ну и с тех пор регулярно ездим по Австралии с туристами.

И вот наконец Николай Дроздов приехал в нашу Австралийскую Балашиху, тут я ощутил себя в каком-то непонятном мне дежавю. Вот он, Дроздов из черно-белого старого телевизора, но я-то уже далеко не пионер, и Дроздов передо мной вполне реальный, к нему можно прикоснуться, в общем, время как-то исказилось, я оказался в двух мирах —

Дроздов из детства телевизионный и я в моей Балашихе Австралийской.

И передача «В мире животных» была для меня уже в реальности, без телевизора, наяву. Мы вместе бродили по окрестностям, гладили кенгуру, лазили по пещерам. А голос был тот самый из детства, и тот ведущий был совсем рядом, вживую.

И уж, конечно, предложение от Николая Николаевича написать продолжение его книги об Австралии — было совсем неожиданно.

Писательские муки одолевали меня несколько лет, никак не мог я решиться на книгу, хотя и пишу рассказы об увиденном, о моих приключениях, но я не мог понять, что требуется для книги. И пришел на помощь Дроздов. В наших турах я много рассказываю про Австралию, стараясь показать туристам страну моими глазами, объяснить события в стране через мое понимание их. Однажды он мне сказал — Володя, что ты изобретаешь велосипед, просто запиши свои рассказы.

Вот именно эти истории и легли в основу моей книги. Истории и свежие, и давние, что-то сегодня осталось таким же, многое изменилось, иных мест и героев моих рассказов уж нет, так что не ищите в описанных мною местах моих описанных приключений.

Вомбат — родственник коалы, только живет в норах и по деревьям лазить не умеет

Экспедиция продолжается...